Эр1 982
кн.1 в.1
2, 1-2.

Крачкевич П.З.
История Российской революции.

К 18 Рлюсс. ФБ...

П. З. КРАЧКЕВИЧЪ.
(АЛЬФА)

ЭР1 982

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

(ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА-ЖУРНАЛИСТА)

1914—1920. **въ 10 част.**

Книга I. - Вып 1

ТРАГЕДІЯ русской интеллигенціи

Тип. „Т-ва С. ЛАПИНЪ съ С-ми“ Гродно. Александр. 46.

Дозволено цензурой 8 апрѣля 1921 г.

Крачкевич, П.З.
ЭР1-982
ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
Государственная публичная историческая библиотека
Библиотека Музея революции СССР
Государственная публичная историческая библиотека
Ср. 4717.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Книга I.

Трагедія русской интеллигенціи.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
33436 1992 г.

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩАЕТСЯ.
Переводомъ на иностранные языки можно воспользоваться только съ разрѣшенія автора.

ПОПАШЕНО
БИБЛИОТЕКА
МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ
С.С.С.Р.
К. 77

ОТЪ АВТОРА.

Приступая къ печатанію своихъ записокъ о „Россійской Революціи“, скажу нѣсколько словъ о причинахъ побудившихъ меня приступить къ этому труду. Какъ офицеру и журналисту, мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться и бесѣдовать со многими выдающимися военными, общественными и государственными дѣятелями—русскими и иностранцами, побродить за послѣднія семь лѣтъ не только въ различныхъ городахъ, но и отдаленныхъ мѣстахъ Россіи, быть также и за-границей,—видѣть, слышать за это время многихъ ученыхъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, внимательно прислушиваться къ многотрудной, головоломной работѣ—разрѣшенія міровыхъ проблеммъ великими государственными мужами; гордо слѣдить за возрожденіемъ отдѣльныхъ народовъ и государствъ; съ горечью въ сердцѣ констатировать факты нравственнаго разложенія и паденія многообѣщавшихъ народовъ, словомъ, быть скромнымъ свидѣтелемъ современнаго „Столпотворенія Вавилонскаго“, пока-что закончившагося, но не давшаго еще реальныхъ результатовъ,—„Версальскимъ“ и „Рижскимъ“ миромъ.

Я далекъ отъ мысли создать строго литературное произведеніе, трудъ мой также не будетъ испещренъ детальными, историческими данными и матеріаломъ; далеко нѣтъ! Моя цѣль иная. Я хочу только честно, правдиво, искренно повѣдать міру о томъ, что я лично видѣлъ, слышалъ, пережилъ, выстрадалъ и какъ потомъ, вѣрнѣе теперь, остался одинъ среди великаго множества такихъ же какъ я—живыхъ, разумныхъ тварей, принятыхъ въ обиходѣ называть „человѣчествомъ“.

Полнѣйшее отсутствіе опредѣленнаго заработка, постоянная борьба за насущный кусокъ хлѣба, постоянныя душевныя треволненія въ связи съ политическимъ настроеніемъ не только Европы, но всего міра, наконецъ, крупные недочеты въ окружающей меня обстановкѣ и условіяхъ жизни, не даютъ къ сожалѣнію мнѣ возможности закончить свой трудъ, надлежащимъ, должнымъ образомъ, такъ, чтобы болѣе полно, рельефно изобразить все, что въ дѣйствительности стало первопричиной не только революціонного шква-

ла въ самой Россіи, но и міровымъ, общественно-политическимъ сдвигомъ у всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ, а, можетъ быть, и у народовъ другихъ частей свѣта.

Надѣясь выпустить въ свѣтъ и другія свои произведенія: „Роль крестьянина и рабочаго въ русской революціи“, „Книгу міровой скорби“ я, желая всячески пойти навстрѣчу неимущимъ русскимъ бѣженцамъ, былъ бы признателенъ добрымъ, отзывчивымъ людямъ, если бы не отказали мнѣ въ помощи снабдить ихъ по себѣстоимости издаваемыми мной книгами.

Отчетъ о поступленіи суммъ будетъ каждый разъ печататься въ послѣдующихъ книжкахъ.

АВТОРЪ.

ЧАСТЬ I.

Причины развала русской интеллигенціи.

Начало войны съ Германіей захватило меня въ Москвѣ. Объявленная мобилизація была для всего народонаселенія Россіи полной неожиданностью и не только прошла съ порывомъ, подъемомъ, энтузіазмомъ, какъ объ этомъ, въ свое время, много писали и говорили, но и при полномъ упадкѣ настроенія. Война съ Японіей у многихъ была еще въ памяти и катастрофа русской арміи на поляхъ Манджуріи, съ противникомъ болѣе слабымъ чѣмъ германцы, не предвѣщала благихъ результатовъ. Въ началѣ 1914 г. о войнѣ не было даже намековъ, разговоровъ; политическіе дѣятели, правительство, весь ученый міръ поглощены были своей повседневной работой и, конечно, никто изъ нихъ войны не только не ожидалъ, но даже и не готовились къ ней. Судъ, наряженный впослѣдствіи надъ ген. Сухомлиновымъ (б. военнымъ министромъ), который заявилъ, „что Россія къ войнѣ могла быть готова только черезъ 3—4 года", свидѣтельствуетъ о сказанномъ.

Въ первые же дни мобилизаціи у всѣхъ Воинскихъ начальниковъ, на станціяхъ жел. дорогъ, по домамъ и лачугамъ, стоялъ сплошной стонъ и море слезъ провожало „героевъ" —солдатъ на войну. Врачи, всѣ власти имѣвшіе, вся ческое знакомство, связи, протекція, взятки, все было использовано многими, чтобы только стать или „бѣлобилетниками", или пристроиться гдѣ нибудь въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ—въ штабахъ, обозахъ...

Въ высшихъ сферахъ, въ кулуарахъ сановниковъ, въ Госуд Думѣ, въ торгово-промышленномъ мірѣ, тогда-же т. е. въ первые же дни войны, образовались два рѣзко противоположныхъ теченія, которыя понынѣ еще живы въ широкихъ слояхъ русскаго общества. Теченія эти были:—германофильствующее и германофобствующее, не говоря уже о сторонникахъ, которыхъ было большинство, строжайшаго нейтралитета. Члены Госуд. Думы П. Милюковъ (к. д.)—въ Екатеринодарѣ, В. Пуришкевичъ (мон.)—въ Ростовѣ и мн. другіе политическіе вожди не разъ, во время гражданской войны въ Россіи, открыто высказывали свои „соображенія"

по этому вопросу и рѣзко критиковали политику царскаго правительства, вступившаго въ противоестественную связь съ англичанами и французами.

Для подъема „патріотическаго» настроенія, по указкѣ свыше, тогда-же, т. е въ 1914 г., представители власти,—губернаторы и полиція, открыли широкое гоненіе и преслѣдованіе на всѣхъ германофиловъ и лицъ германскаго происхожденія и, за какія-нибудь двѣ-три недѣли, нѣсколько десятковъ тысячъ мирныхъ обывателей были отправлены до окончанія войны въ концентраціонные лагеря, спеціально для того предназначенные въ сѣверныхъ губерніяхъ (Вологодская, Архангельская). Большинство изъ нихъ впослѣдствіи оказалось въ лагерѣ революціонеровъ-„большевиковъ“ и тѣмъ, конечно, способствовали „углубленію“ и самой революціи въ Россіи и закрѣпленію власти „диктатура пролетаріата“.

Ни „историческое“ засѣданіе въ Іюнѣ мѣс. 1914 г. Госуд. Думы и Г. Совѣта, ни блестящая рѣчь предсѣдателя Г. Думы Родзянко, ни его знаменательная фраза „руки прочь“‘ ни августовскій манифестъ Вел Кн. Николая Николаевича къ полякамъ, ни героическая смерть В. Князя Олега Константиновича, „ни патріотическія“ манифестаціи по всѣмъ городамъ Россіи, ни пресса, ничто не могло зажечь въ народѣ святого огня—любовь, долгъ къ родинѣ, пробудить въ немъ должный героизмъ, а главное—волю къ побѣдѣ. Малокультурный русскій народъ, не отдавалъ себѣ отчета въ совершавшихся тогда, въ 1914 г. событіяхъ, какъ не отдавалъ себѣ онъ и потомъ, въ 1917 г., такого-же отчета, бросая фронтъ и разбѣгаясь съ винтовками въ рукахъ „безъ аннексій и безъ контрибуцій“ по домамъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. На фронтѣ русская армія терпѣла пораженія. Недостатокъ снарядовъ, винтовокъ, а тамъ и отсутствіе „стойкости“ бойцовъ сказывались все болѣе и болѣе. По первой мобилизаціи пошли на фронтъ не только кадровые офицеры, но и прапорщики изъ запаса. Послѣдніе были и инженеры,и техники, и филологи, словомъ всѣ тѣ, въ которыхъ впослѣдствіи почувствовалась и потребность и необходимость, въ особенности на второй, третій годъ войны, когда армія возросла въ количественномъ составѣ. Первыя „ласточки»—прапорщики на фронтѣ погибли, погибли не успѣвъ принести странѣ и арміи всего того, что могли-

бы они дать, если-бы только руководители войны считались съ культурными силами націи.

Русская интеллигенція въ первые же дни войны потерпѣла страшное пораженіе, отъ котораго ей не пришлось оправиться до послѣдняго момента. Погибли лучшія, здоровыя, культурныя силы страны не за станками въ мастерскихъ и заводахъ, не на полѣ умственнаго труда и творчества, а .. въ окопахъ.

И только, въ концѣ 1915 г., по иниціативѣ торгово-промышленныхъ круговъ, во многихъ городахъ Россіи стали формировать Военно Промышленные Комитеты, назначеніе которыхъ было оказать посильную помощь фронту. И вотъ только тогда обрисовалась ужаснѣйшая картина—отсутствіе спеціалистовъ, широкая расточительность культурными силами страны парскаго правительства.

Въ бытность мою въ 1915 г. въ г. Пензѣ, я лично убѣдился, насколько была тяжела потеря тѣхъ, кому были даны руки для руководства молотомъ и наковальней, а не „творить“ политику страны съ винтовкою въ рукахъ.

Наряду съ этимъ, военный, чисто строевой аппаратъ былъ далеко не на высотѣ своего положенія. Сотни запасныхъ полковъ, расположенные по всѣмъ городамъ и уѣздамъ Россіи, формировались изъ юнцовъ-прапорщиковъ, мало того, за недостаткомъ ихъ, заурядъ-прапорщиками и прапорщиками-заурядъ. Послѣднія двѣ категоріи прапорщиковъ были съ крайне мизернымъ образованіемъ—городское, сельское училища и, такимъ образомъ, командный составъ б. русской арміи оставлялъ желать многаго лучшаго. Прапорщики кончали военное образованіе на 4-хъ мѣсячныхъ курсахъ, а другія двѣ категоріи и этого не получали. Послѣднихъ производили въ частяхъ по личному усмотрѣнію командировъ полковъ (правда, по приказу К-го Арміей), а командиры частей въ большинствѣ были также мобилизованы, какъ числившіеся въ запасѣ. Всѣ они—мобилизованные рѣдко отличались спеціальными знаніями, а, больше того, нравственными качествами. Благодаря низкому уровню въ командномъ составѣ во всѣхъ запасныхъ полкахъ, естественно отсутствовали не только дисциплина, но и моральное „равновѣсіе“. Среди офицеровъ развиты были и пьянство, и картежная игра, и развратъ, и взяточничество и, только-что входившая въ то время въ моду,—„спекуляція“. Никакіе приказы и ревизіи Командующими арміями, ни ихъ

„инспекторскіе“ смотры ничто не могло остановить этихъ безобразій, а все это естественно нервировало, парализовало честную, идейную интеллигенцію—офицеровъ и вредно отражалось на боевыхъ операціяхъ, тамъ, на фронтѣ, гдѣ большинство здороваго элемента страны сражалось „не за страхъ, а за совѣсть“.

Яркой иллюстраціей къ безобразіямъ „тыловыхъ“ героевъ могутъ служить примѣры, когда въ вагонахъ жел. дорогъ находили нерѣдко во время германской войны трупы плѣнныхъ, умершихъ отъ голода. На ст. Пенза С.-Вяз. ж. д. было обнаружено болѣе 20-ти труповъ военно-плѣнныхъ—турокъ. Въ Пензѣ, Самарѣ, Челябинскѣ, Омскѣ, не одинъ десятокъ домовъ были построены за счетъ „пайковъ“ военноплѣнныхъ, бывшими въ то время начальниками—различныхъ „питательныхъ пунктовъ“ и комендантами поѣздовъ—эшалоновъ. Таже, съ небольшими варіяціями, наблюдалась картина „отцовскихъ“ заботъ и попеченій командnаго состава—„героевъ“ изъ запаса, къ младшему своему брату-солдату. Казармы, въ большинствѣ случаевъ, были неблагоустроены, чувствовалось вездѣ и всюду полное нерадѣніе не только о гигіенѣ, но и вообще—порядкѣ, чистотѣ. Холодныя, грязныя, сырыя, безъ оконъ и стеколъ, помѣщенія, съ неприспособленными нарами и безъ тюфяковъ, съ вѣчно коптившими безъ стеколъ, лампами, грубое обращеніе, появленія въ нетрезвомъ видѣ начальниковъ, изо дня въ день разлагали армію не только нравственно, но и физически. Десятки тысячъ переболѣвшихъ солдатъ чесоткой и другими накожными болѣзнями служитъ яркой иллюстраціей.

И въ тоже время работы въ Штабахъ сводились къ тому, что-бы не „проморгать“ какого-либо параграфа изъ приказовъ по Арміи и выписать „по статьямъ“ слѣдуемое содержаніе: жалованье, полевыя, прогонныя, суточныя, командировочныя, столовыя, разницы, не говоря уже о фиктивно-злостныхъ записяхъ, какъ-то проведеніи по приказамъ несуществовавшихъ на-лицо „собственныхъ“ лошадей, чтобы только получить фуражное довольствіе.

Наряду съ этимъ въ Армію вливалась молодая, здоровая, честная трудовая интеллегенція. Шли и охотники, шли и по мобилизаціи. Военныя училища и школы прапорщиковъ выпускали десятки тысячи молодыхъ офицеровъ; большинство изъ нихъ, такъ еще недавно проштудировавшихъ отечественную, альтруистическую литературу, горѣли желаніемъ честно

послужить родинѣ и народу; много вступало въ армію изъ запаса и отставки, порядочность которыхъ также не вызывала сомнѣній.

Традиціонные субординаціи, цукъ, подтягиваніе, интриги дѣлали свое преступное дѣло и большинство интеллигенціи не только терялось въ массѣ, но и числилось „въ опалѣ“ и на „плохомъ“ счету. Военно-полевые суды, которыми постоянно угрожало „начальство“—бичъ войны, гильотина энергіи, самодѣятельности, всякой иниціативы у мало-мальски способныхъ, незаурядныхъ личностей. Надо надѣяться, что человѣчество, когда нибудь, можетъ быть и въ недалекомъ будущемъ, перестанетъ быть кровожаднымъ, съумѣетъ найти иные пути для борьбы съ „неблагонадежными“, оставитъ широкій должный просторъ творчеству и должной самодѣятельности.

Какъ-же реагировалъ на все это „богобоязненный“ русскій солдатъ? Молчалъ и безудержно рвался или на фронтъ, чтобы скорѣе свести счеты съ жизнью, или же бѣжалъ домой, къ себѣ въ деревню. Полтора милліона дезертировъ въ дни германской войны—отвѣтъ на существовавшіе въ то время порядки!

И одновременно съ этимъ, во всей своей широтѣ, сказались тогда-же и удаль и многотерпѣливость русскаго народа. Походы на Карпаты, въ Вост. Пруссію, на Эрзерумъ развѣ не легендарныя страницы изъ боевой жизни Р. Арміи?! А бои безъ патроновъ и снарядовъ, оборванные и безъ сапогъ люди, развѣ не героизмъ народа?!

Какъ и большинство, судьба и меня бросила въ Военное Училище. Не говоря уже о томъ, что я научился тамъ классически чистить на „ѣ“ сапоги, чинить и штопать рейтузы, гимнастерку, я научился брезгливо относиться къ лекціямъ и тѣмъ, кому суждено было всѣхъ насъ—юнкеровъ досаждать своей витіеватой терминологіей. Чтеніе лекцій, репетиціи, отмѣтки за нихъ, казались мнѣ ужасной, безсмысленной трагикомедіей. Въ дѣйствительности, можно-ли было такъ неэкономно, если не преступно, расходовать время, какъ поступали наши „г.г. профессора“. Одинъ изъ профессоровъ читалъ по книжкѣ „уставы“, другой—„администрацію“,—третій—„гигіену“, четвертый—„топографію“, пятый—буквально заставлялъ рыть окопы, а остальные—„казеннымъ“ языкомъ читали то, что въ дѣйствительности при современной войнѣ и техникѣ давно отошло въ область преданій. Стоитъ только внимательно просмотрѣть учебникъ тактики—„современный бой“ (пѣхо-

та и кавалерія въ бою),фортификацію, прослѣдить потомъ этапы общеевропейской войны и ясно будетъ, что необходима была, еще тогда въ 1914 г., немедленная реорганизація въ преподаваніи наукъ въ спеціальныхъ, военно-учебныхъ заведеніяхъ. Этого сдѣлано не было и молодые офицера, правда, уже поздно, упрекая военныхъ „спеціалистовъ", принуждены были пополнять свои знанія или на практикѣ, или же изъ другихъ источниковъ.

Большой минусъ въ В. училищахъ, это—отсутствіе лекцій по подготовкѣ офицеровъ въ политическихъ вопросахъ страны, а главное—по воспитанію ихъ въ разумной, жизненной дисциплинѣ. Можно-ли было, въ особенности послѣ 1905 г., ограничиваться молебнами, парадами и ,,усиленнымъ" питаніемъ въ „царскіе" дни? Въ дни революціи эти дефекты рѣзко сказались и большинство офицеровъ погибло только потому, что оказались безпомощными, неподготовленными къ разразившимся событіямъ. Суконный казенный языкъ, „нетерпимость" на военной службѣ къ многословію (или какъ говорили къ „либерализму") выработали особый типъ офицеровъ, типъ живыхъ манекеновъ. Красивая фигура, въ кредитъ сшитый мундиръ, погремушки различнаго вида и характера, нѣсколько зазубренныхъ модныхъ, „салонныхъ" фразъ, съ грѣхомъ пополамъ уснащенныхъ французскимъ діалектомъ, вотъ—повседневный типъ русскаго офицера до 1914 г. не только въ далекой провинціи, но и даже въ городахъ и обѣихъ столицахъ! Говорить о небольшой кучкѣ „избранниковъ"—офицеровъ Ген. Штаба, спеціальнаго рода оружія—артиллеристовъ, саперовъ, инж. войскъ не приходится. Ихъ было въ сравненіи съ численностью всей б. Русской арміи такъ мало, что останавливаться на нихъ почти не приходится. Не отмѣтить того факта, что многіе пѣхотные офицера были и достаточно образованными и воспитанными, что нерѣдко встрѣчались среди нихъ люди съ большими научными, какъ въ военныхъ, такъ и въ общественно-политическихъ вопросахъ, знаніями, что встрѣчались среди нихъ люди съ крупнымъ литературнымъ именемъ, что многіе, вступая въ пѣхоту, шли исключительно по наклонностямъ и призванію, въ частности къ роду оружія, было-бы не дозволительно. Нѣкоторыя даже В. училища, какъ напримѣръ—пѣхотное Алексѣевское въ Москвѣ, было даже мѣстомъ отбыванія воинской повинности для лицъ съ высшимъ образованіемъ.

А сколько, по „техническимъ" дефектамъ, молодыхъ лю-

дей—студентовъ и универсантовъ попало во время войны въ Школы прапорщиковъ? (Нельзя не отмѣтить, что „начальство“ школъ нерѣдко заставляло ихъ во время прохожденія „научнаго“ курса мыть полы, стирать бѣльё и чуть-ли не чистить ретирады.

И вотъ къ такимъ юнкеришкамъ, а потомъ уже и офицерамъ, какъ къ „изгоямъ“, крайне нетактично, безцеремонно, вѣрнѣе грубо, относились всѣ тѣ, кому суждено было по „добрымъ, старымъ традиціямъ“ считать себя „бѣлой костью“ во всей арміи. Кому только не памятны „принципы“ гвардіи, кирасиръ, лейбъ-гусаръ и лейбъ-уланъ?! На почвѣ этихъ „славныхъ“ традицій, съ которыми не только не удосужилось бороться „начальство“, но и поддерживало ихъ, нерѣдко проявлялись крупные скандалы, а они, въ свою очередь, отрицательно отражались на сплоченности, боеспособности и жизненности всей арміи.

Послѣ окончанія В. училища, съ крайне ничтожнымъ багажемъ пріобрѣтенныхъ знаній, судьба меня бросила въ Царское Село. Здѣсь, т. е. въ Царскомъ Селѣ, въ Петроградѣ воочію пришлось столкнуться и наблюдать за «фамильными» недочетами въ офицерской жизни. Въ офицерскомъ собраніи „модные“ разговоры о „традиціяхъ“ части, о производствахъ, на ученьяхъ „гусиный шагъ“, „печатаніе“ ногой, отданіе чести, нецензурныя солдатскія пѣсни, создали такую обстановку, отъ которой безумно хотѣлось бѣжать и бѣжать безъ оглядки. Большинство молодыхъ офицеровъ вначалѣ тяготились этой жизнью, ну, а потомъ, потомъ дѣлали то, что и всѣ остальные. Жизнь „сѣраго“ человѣка въ то время считалась не годами, а днями, часами и русское офицерство переживало неслыханную страницу въ своей жизни: „быть или не быть“, вѣрнѣе, трагическое „нѣтъ“. По статистическимъ даннымъ жизнь прапорщика во время Герм. войны опредѣлялась только въ 24 дня. Пребываніе мое въ Царскомъ Селѣ, а затѣмъ въ Петроградѣ, не дало ни мнѣ, ни моимъ коллегамъ рѣшительно ничего въ смыслѣ пополненія военныхъ знаній. Въ N запасн. артил. бригадѣ, гдѣ я находился, большинство офицеровъ „пачками“ ѣздили въ столицу и въ это же время въ сырыхъ, грязныхъ казармахъ благодушествовали только-что мобилизованные солдаты. А работы на первый взглядъ казалось болѣе чѣмъ достаточно. Дѣло въ томъ, что артил. бригада формировалась англійскими тяжелыми орудіями; большинство присланныхъ орудій, по странной случайности, не

могли быть собраны за отсутствіемъ различныхъ, недостававшихъ частей.

Были колоссальныя упущенія и чисто „внутренняго“ характера, хотя-бы по обученію солдатъ съ матеріальной частью орудій, были тѣ же упущенія въ полномъ отсутствіи офицерскихъ занятій. На фронтѣ эти „дефекты» имѣли трагическій характеръ и стоили нерѣдко массы человѣческихъ жертвъ.

На позиціяхъ тогда-же строчились срочныя донесенія, что пополненія присылаются необученными и совершенно неподготовленными къ боевымъ дѣйствіямъ, что фронту грозитъ неминуемая катастрофа. Высшее командованіе на фронтѣ принуждено было поэтому ввести регулярныя занятія въ резервахъ дѣйствовавшихъ армій, чтобы только „пополненіями“ окончательно не развалить, ослабить фронтъ.

Въ прифронтовыхъ полосахъ, не говоря уже о глубокихъ тылахъ, въ городахъ, „заѣзжихъ“ мѣстахъ, куда не такъ трудно было вырваться по „служебнымъ“ дѣламъ въ командировку, широко были развиты пьянство, развратъ, картежныя игры. Бывшему въ то время Верховному Главнокомандующему стоило большого труда бороться съ этимъ зломъ, но труды его такъ и остались безрезультатными. Колоссальныя растраты, усилившаяся спекуляція, масса венерическихъ заболѣваній, полный упадокъ нравственности были неодно кратно отмѣчены въ приказахъ по арміямъ. По распоряженію Ник. Ник. были даже эвакуированы въ далекій тылъ нѣсколько сотъ сестеръ милосердія, слишкомъ уже ревностно проявившихъ свою дѣятельность. Надо замѣтить, что въ „сестры“ въ началѣ войны принимали только тѣхъ, кто имѣлъ достаточный образовательный цензъ и отвѣчалъ нравственнымъ требованіямъ.

Въ „Всероссійскомъ Земскомъ Союзѣ“, „Татьянинскомъ Комитетѣ“, „Красномъ Крестѣ“, куда словчилось большинство «истинно-русскихъ» патріотовъ, были также дефекты и русская интеллигенція, въ эти скорбные дни для Россіи, гуляла и веселилась.

Въ далекомъ тылу та же интеллигенція, учтя моментъ, дѣлала ставку на „твердую“ валюту, и нерѣдко можно было встрѣтить „ученыхъ“ коммерсантовъ, взявшихъ на себя подряды по снабженію армій подковами, гвоздями, обмундированіемъ, словомъ, многіе „дипломированные“ интеллигенты приспосабливались какъ кто могъ и какъ умѣлъ.

На станціяхъ жел. дорогъ спекулировали съ желѣзно-

дорожн. бил., съ „очередями“ на отправку грузовъ; банки и биржи бойко „лавировали“ на процентныхъ бумагахъ и на иностранной валютѣ; въ высшихъ сферахъ процвѣталъ модный „тотализаторъ“ на пораженіе Россіи; многіе сановники, предвидя событія, спѣшили заручиться „текущимъ“ счетомъ въ заграничныхъ банкахъ; „дѣльцы“ жадно припрятывали звонкую монету; „торгаши“ набивали склады всевозможными товарами, въ ожиданіи „твердыхъ цѣнъ“; будничный обыватель—простой труженикъ кряхтѣлъ и только пытливо присматривался къ дикой свистопляскѣ отбросовъ—паразитовъ народа.

Все разумное, чистое потеряло всяческую цѣнность и русское общество, незамѣтно для себя, все болѣе и болѣе катилось по наклонной плоскости. Жажда „бытовой“ новизны, сплетенъ, „достовѣрныхъ“ извѣстій, „авторитетные“ источники, легендарныя, сенсаціонныя извѣстія, одержали верхъ надъ всѣмъ серьезнымъ, разумнымъ, и книга, серьезный научный трудъ, и дѣятельность, опиравшіеся такъ еще недавно на честные идеалы и принципы, не стали уже привлекать пытливаго взора, волновать умъ и сердце даже у тѣхъ немногихъ, кто всецѣло посвѣтилъ себя служенію культурѣ, родинѣ и народу.

Въ началѣ осени 1916 г., еще до убійства Г. Распутина, въ Царскомъ Селѣ, Петроградѣ и его окрестностяхъ, стали уже поговаривать о перемѣнахъ въ Правительствѣ, о паденіи „Кабинета Министровъ“, о возникшихъ серьезныхъ трeніяхъ между Государемъ и Вел. Князьями, объ опалѣ Вел. Князя Николая Николаевича, якобы дерзавшемъ, путемъ интригъ, захватить власть въ свои руки, о перемѣнѣ „курса“ въ иностранной политикѣ и даже о возможномъ сепаратномъ мирѣ съ Германіей. По рукамъ офицеровъ, чиновничьяго и другихъ классовъ начали ходить различныя письма, стенографическіе отчеты; изъ устъ въ уста передавались чудовищныя извѣстія и слухи, и какъ войска, такъ и тылъ, стали еще болѣе разлагаться; а все это, конечно, не могло не быть первымъ сигналомъ къ возможнымъ волненіямъ во всей странѣ. Изъ Царскаго Села въ Петроградъ и обратно, поѣзда уносили сотни любителей новизны за „свѣженькими“ извѣстіями и разговорамъ повсюду на „текущія“ политическія событія не было конца. Высшія сферы знали объ этомъ прекрасно и въ ихъ „кулуарахъ“ шла таже, если не болѣе интенсивная, работа въ томъ же направленіи. Одинъ изъ

моихъ коллегъ прапорщикъ Д., въ первые дни революціи ставшій комендантомъ царскосельскаго дворца, привозилъ къ намъ на батарею всѣ „новости“ изъ квартиры Вел. Князя Сергѣя Михайловича; капитанъ конной артиллеріи Н. былъ чуть-ли не другомъ В. Князя Кирилла Владимировича; многіе офицеры были знакомы съ членами Государственной Думы и Совѣта, съ различными сановниками и, такимъ образомъ, „летучая“ подпольная газета, все шире и шире захватывала различные слои русскаго общества.

Фронтъ въ это время переживалъ тягчайшій кризисъ. Бои для Россіи принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ; войска, хотя и съ боемъ, но отступали на „заранѣе намѣченныя позиціи“. Въ ближайшемъ тылу дѣйствовавшей арміи стянулись колоссальные резервы и даже поговаривали о возможномъ наступленіи на всемъ фронтѣ русской арміи.

Русскій солдатъ, надо замѣтить, въ это время былъ очень далекъ отъ политики и войска съ изумительнымъ упорствомъ и отвагой отбивали бѣшеныя атаки наступавшаго противника. Лишь небольшая горсть „политикановъ“ и германофиловъ радостно встрѣчали свѣдѣнія изъ Петрограда, но и это какъ-то незамѣтно стушевывалось въ водоворотѣ напряженной, боевой дѣятельности. За время войны въ русскомъ солдатѣ, кто только внимательно прослѣдилъ за нимъ, удивительно характерно обрисовалась исключительная черта его характера. Какъ уже было выше сказано, въ русскихъ людяхъ, въ началѣ германской войны, ничуть не были замѣтны ни патріотизмъ, ни энтузіазмъ, ни порывъ, ни настроеніе, война же съ нѣмцами велась до революціи достаточно упорно и могла-бы продолжаться дѣйствительно до побѣднаго конца и только потому, что въ натурѣ русскихъ людей какъ-бы заложены двѣ крайности: „или на печи, или печь и ѣсть калачи“. Такъ случилось и во время войны. На позиціи ѣхали со слезами и отчаяніемъ, на фронтѣ-же все забывалось и въ бой шли гордо и сознательно. Рубили съ плеча, кололи отъ сердца, стрѣляли отъ души! Впослѣдствіи, въ дни гражданской войны, это еще болѣе рельефно обнаружилось, въ особенности въ первые два кубанскихъ похода, а затѣмъ походы на Царицынъ и Орелъ въ 1919 г., когда море крови съ обѣихъ сторонъ обливало родныя степи и поля.

Какія-же мѣры принимало Р. Правительство для борьбы съ „внутреннимъ“ разваломъ страны и какъ оно реагировало

на всѣ эти событія? Въ широкихъ интеллигентныхъ кругахъ носились упорные слухи, что Государь—игрушка въ рукахъ жены своей Александры Феодоровны, что она всемѣрно стремится къ пораженію Россіи, что окружавшія ее лица—Штюрмеръ, Вырубова, Г. Распутинъ (за которымъ, кстати сказать, постоянно слѣдили русскіе и англійскіе тайные агенты) также энергично работаютъ въ этомъ же направленіи, что якобы Государыня ведетъ тайную переписку съ Германскимъ дворомъ и чуть-ли не въ самомъ дворцѣ обнаруженъ даже былъ и безпроволочный телеграфъ. О существованіи Г. Распутина, его вліяніи на политику, о значеніи его въ высшихъ сферахъ, его „авторитетномъ" мнѣніи въ салонахъ Царскосельскаго Дворца, было не секретъ для многихъ и, конечно, всѣ эти слухи и догадки крайне разлагали и нервировали общество, безъ того уже достаточно измученное и подавленное возраставшей дороговизной и продовольственнымъ кризисомъ. Участившіяся „товарныя" недѣли, полный застой въ торговлѣ и промышленности, безработица на фабрикахъ и заводахъ, еще болѣе усиливали недовольство народонаселенія и въ народѣ носились уже не только „тревожные" слухи, но и чувствовалось, что что-то должно неминуемо произойти, а что именно, объ этомъ никто и не задумывался, да и не хотѣлъ предрѣшать событій. Погромъ нѣмецкихъ фабрикъ, магазиновъ, квартиръ въ Москвѣ, лѣтомъ 1915 г., въ дѣйствительности былъ только прелюдіей къ тому страшному, безумному, нечеловѣческому пожару, который разразился и обуглилъ потомъ всю Россію. Уже тогда можно было замѣтить, что нервное напряженіе въ народѣ, его неудовольствіе достигли кульминаціоннаго пункта и что разрѣдить эту атмосферу должно и необходимо. Мѣръ къ безболѣзненному разрѣшенію этихъ вопросовъ принято не было и вина въ томъ, прежде всего, должна пасть исключительно на высшіе органы власти и, въ частности, на бывшаго въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ—Протопопова.

Стараться доказать, что погромъ былъ слѣдствіемъ патріотическаго подъема, чувства мести за звѣрства, учиненныя нѣмцами въ Калишѣ и др. городахъ,—абсурдъ! Да, если это и былъ патріотическій подъемъ, то это только былъ брошенъ первый вызовъ Двору, Правительству и всѣмъ германофиламъ, слухи о „политикѣ" которыхъ слухи стали просачиваться и въ народъ.

Въ русскихъ людяхъ, по свойству ихъ характера, ни-

когда и ни къ кому не было особой вражды, съ нѣмцами же Россія сжилась, сроднилась; злобы, а тѣмъ болѣе мщенія въ русскомъ народѣ никогда не проявлялось, да и быть не могло. Не могло уже быть потому, что германцы въ то время побѣждали, а это обстоятельство, какъ ни странно, вызывало у многихъ уваженіе къ нимъ. Въ русскихъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ массахъ, ходомъ историческихъ событій, проявилось больше симпатіи именно къ нѣмцамъ, несмотря на то, что англичане, французы, румыны были и союзниками и „защитниками" ихъ интересовъ.

Во время гражданской войны эта „симпатія" къ союзникамъ болѣе рельефно обрисовалась и „платоническая" любовь русскихъ, въ особенности къ англичанамъ, врядъ-ли возможна даже въ далекомъ будущемъ.

Ноябрское засѣданіе 1916 г. (2-го) въ Госуд. Думѣ, на которомъ обсуждался вопросъ о „темныхъ" силахъ въ странѣ, окончательно встревожилъ русское общество, засѣданіе же въ Госуд. Совѣтѣ (тоже въ Ноябрѣ) на ту же тему и „опала" предсѣдателя Г. Совѣта Голубева, заставили уже русскихъ людей не только прислушиваться къ „сенсаціоннымъ" извѣстіямъ, но и принять соотвѣтствующую позицію на случай внезапныхъ нападеній. Пресса въ это время всту пила въ опредѣленную оппозицію, газеты почти ежедневно стали выходить со значительными „плѣшами", цензура не дремала и большинство газетъ было подвергнуто административнымъ взысканіямъ, предупрежденіямъ, а нѣкоторыя даже принуждены были прекратить свое существованіе. Высшія учебныя заведенія, ученыя общества, военныя училища, офицерскія собранія, гражданскія учрежденія, живо откликнулись на запросы о „темныхъ" силахъ, и волна ропота и неудовольствія покатилась по всей „богоносной" Россіи.

Рѣчи членовъ Г. Думы П. Милюкова, В. Пуришкевича, другихъ ораторовъ по стенографическимъ отчетамъ, нелегальнымъ путемъ, расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и страна захлебывалась отъ „умиленія" и „радости", читая „смѣлыя", „громовыя" рѣчи.

Нельзя не отмѣтить, что передъ февральской революціей въ русскомъ обществѣ и даже въ высшихъ сферахъ, рѣзко обнаружилось революціонное теченіе. Кабинетъ Министровъ и въ частности Мин. Вн. Дѣлъ Протопоповъ объ этомъ прекрасно знали и своевременно были оповѣщаемы, но, съ момента Ноябрскаго засѣданія въ Гос. Думѣ и Совѣтѣ

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 501

БИБЛИОТЕКА
МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ
С.С.С.Р.

совершенно растерялись и, какъ Понтій Пилатъ, омывая руки, не предпринимали никакихъ мѣръ для успокоенія страны, болѣе того, отъ наступавшихъ грозныхъ событій. А часъ этотъ приближался и приближался съ удивительной быстротой!

Убійство Г. Распутина, въ которомъ приняли живое участіе В. Князь Дмитрій Павловичъ, графъ Сумароковъ-Эльстонъ, В. Пуришкевичъ, сыграло роль „разрѣдительнаго“ аккорда, послѣ котораго началась въ странѣ новая страница исторіи Россіи—„долгожданная“ Россійская Революція.

Царское Правительство, въ первые же дни послѣ убійства Г. Распутина не только не проявило себя въ достаточной степени, но и косвенно оказало значительныя услуги ускоренію революціи. Столичныя газеты учли моментъ, и большинство лубочныхъ изданій, играя больше на тиражѣ, чѣмъ на дѣйствительную, насущнѣйшую потребность прессы, столбцы своихъ „новостей дня“ посвятили исключительно „правдѣ“, „разоблаченіямъ“ тайнъ и закулисной жизни Двора, а также біографіи легендарнаго подвижника—Г. Распутина.

Въ то время никто изъ интеллигенціи и не сомнѣвался, что Распутинъ вполнѣ оправдалъ свою фамилію и что вліяніе его на политику, если и не было такъ значительно, какъ объ этомъ писали и говорили, то все-же было. Личность Распутина большинству уже была извѣстна, хотя-бы по „исторіи“ его съ о. Иліодоромъ въ г. Царицынѣ (тоже подвижникомъ!), постоянныя же его поѣздки въ Царское Село только усиливали и способствовали неудовольствіямъ и „моднымъ“ разговорамъ на тему о тѣхъ же „темныхъ“ силахъ.

Въ моментъ колоссальнаго напряженія страны, благодаря событіямъ на фронтахъ, большинству все-же казалось, что „домашнія“ дѣла—борьба съ «внутреннимъ“ врагомъ—нравственнымъ калѣкой, не должна была-бы вызвать неблагопріятныхъ эксцессовъ, но фактъ убійства Распутина, связанный съ извѣстными именами для всей Россіи, сейчасъ-же породилъ безчисленное количество всевозможныхъ разговоровъ, толковъ и варіантовъ.

Мин. внут. дѣлъ Протопоповъ только черезъ 5—6 дней спохватился и наложилъ свое „veto» на періодическія изданія, всееще пережевывавшія грязь и мерзость изъ жизни Распутина. Но было уже поздно. Любители всяческой базарной новизны и закулисной жизни продолжали дѣло лубочной прессы и изъ устъ въ уста, съ мельчайшими подробностями, передавалась „правда о жизни Распутина“. И вотъ тогда, т. е. въ де-

кабрѣ мѣс. 17 г,, былъ окончательно подорванъ престижъ Правительства, а главное, съ того же момента, армія перестала уже быть строго аполитичной и существовать какъ боевая единица въ рукахъ всесильнаго самодержца.

Ежедневно изъ столицы долетали до нея извѣстія о полномъ банкротствѣ Правительства, съ каждымъ днемъ и часомъ волна ропота и неудовольствій разросталась и если фронтъ и продолжалъ еще держаться до іюня 1918 г., то только потому, что войска не были подготовленными и достаточно сорганизованными къ политическому выступленію. Полнѣйшая же транспортная разруха, недостатки продовольствія, нервная работа Госуд. Думы и Совѣта, повседневныя поѣздки министровъ въ Царское Село, слухи о сепаратномъ мирѣ съ Германіей и Турціей, стали нарождать въ обществѣ новыя „достовѣрныя“ извѣстія о возможномъ роспускѣ обѣихъ палатъ.

Образовавшійся еще въ 1905 г. „Стачечный Комитетъ“ въ этотъ моментъ, т. е. въ началѣ 1917 г., располагая колоссальными средствами, приступилъ уже къ подпольной, революціонной работѣ. На фронтѣ стали появляться „летучки“, прокламаціи и знакомыя все лица „тыловые“ герои—обозники, штабные... Какъ ни ухитрялся Германскій Штабъ „братаніемъ“ развалить русскій фронтъ, онъ не сдѣлалъ того за два года, что сдѣлали за какіе нибудь полтора-два мѣсяца „друзья“ народа послѣ убійства Распутина. Въ первыхъ числахъ февраля 18 г. на позиціяхъ появилась „литература“ и фронтъ фактически уже пересталъ существовать. Разложеніе арміи прогрессировало съ каждымъ днемъ и нѣмцы прекрасно это учитывали. Боевыя дѣйствія въ широкомъ масштабѣ пріостановились, происходили бои лишь мѣстнаго характера, не имѣвшіе никакого рѣшающаго значенія.

Ни политическія потрясенія страны въ этотъ моментъ, ни просачиваніе въ солдатскія и рабочія массы революціонныхъ идей, ничто не натолкнуло русскую интеллигенцію на мысль сорганизоваться, сговориться, чтобы въ должный моментъ выступить во всеоружіи и должнымъ образомъ реагировать на развивавшіяся событія. Россійская интеллигенція какъ въ въ первые дни февральской революціи, такъ и до послѣдняго момента была не только сорганизованной, но и остается совершенно инертной къ разрѣшенію неотложныхъ вопросовъ. Быть безучастнымъ зрителемъ развала родины, потерять право на культурное строительство въ странѣ, служить постоян-

ной мишенью злобы и насмѣшекъ отъ тѣхъ, кто такъ еще далекъ отъ пониманія разумныхъ началъ человѣческаго бытія, оставаться въ тискахъ административнаго произвола, промѣнять науку, знанія, идеалы на „продовольственную“ карточку, или же бродить по бѣлу свѣту на правахъ эмигранта и, пользуясь крючкотворствомъ, вести праздные „дебаты“ на политическія темы, ничуть не стараясь примирить, сгладить шероховатости, между враждующими партіями и классами, и стараться ввести жалкіе остатки культурныхъ работниковъ въ нормальное русло, могутъ лишь только тѣ, кто выросъ и воспитался не въ строгой, правовой и государственной школѣ, а въ подпольяхъ, до отвалу напичкавшись „нелегальной“ литературой.

Насколько интеллигенція была застигнута врасплохъ въ февральскую революцію, можно судить изъ чистосердечнаго признанія члена Гос. Думы прис. пов. Александрова (бывшаго защитникомъ лейтенанта Шмидта):—„что дѣлалось на улицахъ Петербурга въ дни 27—28 и 29 февраля, мы не знали. Большинство изъ насъ, сидя въ Таврическомъ дворцѣ, нервничали и молчали. Каждый боялся проронить лишнее слово, чтобы не остаться потомъ, въ лучшемъ случаѣ, въ „неловкомъ“ положеніи. Къ Таврическому дворцу все время подходили войска, народъ, которыхъ принималъ и поздравлялъ съ „свободой“ предсѣдатель Г. Думы Родзянко. Порывъ, энтузіазмъ народа былъ исключительный, но какъ-то не вѣрилось въ благополучіе завтрашняго дня. У власти оказались не только мы—„Госуд. Дума“, но и „Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ“, угрожавшій намъ, въ случаѣ нашего несогласія войти съ нимъ въ контактъ, всеобщей желѣзнодорожной забастовкой. Положеніе на фронтѣ, боевая обстановка, продовольственный кризисъ въ странѣ, обязывали насъ пойти на уступки и въ странѣ наступило историческое „двоевластіе“, которое тотчасъ-же дало себя тяжело почувствовать въ разрѣшеніи неотложныхъ государственныхъ вопросовъ“.—(Изъ бесѣды морскихъ офицеровъ въ г. Севастополѣ съ г. Александровымъ въ Апрѣлѣ 1917 г.)

Какъ произошла „Февральская“ революція, что натолкнуло Госуд. Думу на смѣлый и рискованный шагъ, на что надѣялись и опирались русскіе интеллигенты—члены Госуд. Думы, въ моментъ принятія ими на себя государственной власти, остается до сего времени неразрѣшеннымъ, если только не принимать во вниманіе различныхъ «слуховъ, разгово-

ровъ, мнѣній" отдѣльныхъ безотвѣтственныхъ лицъ и даже лидеровъ разнообразныхъ политическихъ партій.

Причины поѣздки А. И. Гучкова въ ставку, отреченіе Николая II за себя и наслѣдника отъ престола, отказъ В. Князя Михаила Александровича принять на себя бразды правленія страной, наконецъ, захватъ власти „революціоннымъ" путемъ Временнымъ Правительствомъ, до сихъ поръ также еще не достаточно „расшифрованы" и требуютъ всесторонняго разслѣдованія, гласности и, пожалуй, народнаго суда.

Дѣло въ томъ, что многое происшедшее въ тѣ дни, покрыто мракомъ неизвѣстности, многое скрыто отъ народа и Арміи. Какъ характерный примѣръ можетъ служить послѣдній приказъ Николая II къ войскамъ, злостно необнародованный б. военнымъ министромъ А. И. Гучковымъ.

ПРИКАЗЪ ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО 8. III. 1917 г., № 371.

„Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимые мною войска. Послѣ отреченія моего за себя и сына моего отъ престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и вамъ доблестныя войска отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды. Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его—тотъ измѣнникъ отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте-же вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка только на руку врагу. Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей

Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и доведетъ васъ къ побѣдѣ святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій".

НИКОЛАЙ.

8-го Марта 1917 г. Ставка.

Подписалъ Начальникъ Штаба ген. Алексѣевъ.

А такъ еще недавно, въ январѣ мѣс. въ обѣихъ столицахъ „патріоты"—русскіе интеллигенты въ сюртукахъ и мундирахъ, беззаботно веселились и шумно пировали На ряду съ переполненными театрами, ресторанами, кафешантанами, пьянствомъ и разгуломъ, блестящими и богатыми костюмами, выѣздами, повседневнымъ блескомъ „баловней" судьбы, на далекихъ окраинахъ и даже въ центрахъ столицъ, трудовыя массы переживали не только недостатокъ, нужду въ самомъ необходимомъ, но и положительно голодали и были раздѣты, разуты. Умопомрачающая спекуляція, борьба съ которой оказалась не по силамъ царскому Правительству, еще болѣе пустила свои глубокіе корни въ дни „распутицы", т. е. послѣ убійства Распутина, но все это еще не говорило за то, чтобы однимъ взмахомъ пера, или „красивымъ" жестомъ въ сторону „сознательной" демократіи, возможно и должно было тогда-же съ корнемъ вырвать и уничтожить разъ навсегда „проклятыя" цѣпи царизма, предоставивъ судьбу народа и страны своему собственному теченію. „Творить" революцію, въ моментъ крайняго истощенія народныхъ силъ, упуская изъ виду политическую незрѣлость массъ, полное отсутствіе нравственныхъ и физическихъ силъ въ странѣ для государственнаго переворота, такъ какъ большинство здороваго элемента страны въ это время истекало кровью или на фронтѣ, или въ лазаретахъ, никакъ не говорили ни за успѣхъ революціи, ни за полное сочувствіе большинства къ ней, если только не считаться со слѣпымъ, безсознательнымъ, „настроеніемъ", искусственнымъ „подъемомъ" духа, вызванныхъ широковѣщательными плакатами, красными знаменами, „громовыми" рѣчами политическихъ дѣятелей.

— „Всѣ подъ красное знамя; долой проклятыя цѣпи царизма; къ солнцу поведемъ васъ, къ солнцу!!",—величественно кричали на трибунахъ въ первые, да и до послѣдняго момента, дни—„друзья" народа—творцы россійской революціи. А въ отвѣтъ тогда же, да и понынѣ, жалобно вопитъ измученный, истомившійся, изстрадавшійся отъ голода и холода довѣрчивый мужикъ, пролетарій—рабочій, буржуй—

чиновникъ: „хлѣба, хлѣба!!“...

Какъ же реагировали на происходившія событія въ Петроградѣ, города и далекая провинція Россіи? Никакъ! Большинство городовъ ожидало приказовъ, распоряженій, инструкцій изъ столицы и, политически невоспитанная и малоосвѣдомленная о событіяхъ въ центрахъ, русская интеллигенція продолжала свою трудовую, многострадальную жизнь, жизнь тяжелую, не только въ смыслѣ оплаты труда, но и въ моральномъ, духовномъ отношеніи. Кто не помнитъ, заброшеннаго въ захолустье земскаго врача, учителя, горнаго инженера и техника; кто забылъ ихъ мнотерпѣливую, безпросвѣтную жизнь въ далекихъ степяхъ, окраинахъ, вѣчно копошившихся среди полутемнаго народа; кто броситъ упрекъ тѣмъ, кто отказавшись отъ собственной жизни и удовольствій, всецѣло посвѣтилъ себя культурному развитію массъ, неся за собой лучъ свѣта, надежды и упованій въ забитые уголки, забитыхъ нуждой и несправедливостью человѣчества и вѣка,— кормильцевъ крестьянъ?!

И только лишь въ нѣкоторыхъ городахъ, волей судьбы ставшихъ крупными промышленными, или торговыми, или по другимъ причинамъ центрами, культурной жизни, русская интеллигенція чутко прислушивалась къ политическимъ событіямъ, но будучи всегда инертной, не достаточно самодѣятельной, по причинамъ постояннаго давившаго режима монархической власти, грозно преслѣдовавшей всяческія начинанія въ области проведенія въ жизнь должныхъ, необходимыхъ и либеральныхъ реформъ въ общественной жизни, не проявляла никакой дѣятельности.

И только лишь въ Севастополѣ, благодаря исключительнымъ условіямъ города—крѣпости, ввиду военныхъ дѣйствій и мѣста стоянки Черноморскаго флота, обнаружилось рѣзкое отличіе отъ всѣхъ остальныхъ городовъ Россіи. О совершившейся революціи въ Петроградѣ свѣдѣнія въ Севастополь пришли со значительнымъ опозданіемъ и то—окольнымъ путемъ.

Чтобы избѣгнуть неожиданнаго появленія у береговъ Крыма турецкой эскадры, и чтобы предупредить нежелательные эксцессы со стороны командъ на военныхъ судахъ, адмиралъ Колчакъ, бывшій въ то время Командующимъ Черноморскимъ флотомъ, не ожидая „приказовъ“ изъ Петрограда, приказалъ выстроить на Нахимовской площади весь гарнизонъ крѣпости и, пройдя по фронту, объявилъ всѣмъ при-

сутствовавшимъ о происшедшихъ событіяхъ въ самомъ Петроградѣ и поздравилъ войска и флотъ съ началомъ „Революціи“. Пользовавшійся и до того времени (т. е. до 2-3 марта 1917 г.) широкой популярностью, адм. Колчакъ еще болѣе завоевалъ себѣ въ этотъ день расположеніе и довѣріе, чѣмъ и объясняется, что Черноморскій флотъ долгое время, почти до декабря 1917 г. не пережилъ той безумной вакханаліи, которая въ первые же дни „свободы“ вырвала изъ рядовъ интеллигенціи, офицеровъ—балтійцевъ, болѣе полутораста человѣкъ.

О причинахъ развала по отдѣльнымъ категоріямъ трудовой интеллигенціи:—юристовъ, врачей, инженеровъ, учителей, земскихъ и городскихъ дѣятелей, служителей церкви, остановлюсь при разборѣ „Гражданской войны въ Россіи“, когда болѣе рельефно обрисовались всѣ дефекты должной, нравственной спайки между всей русской интеллигенціей, которая фактически и привела къ полному пораженію всѣ противобольшевистскія арміи.

ЧАСТЬ II.

Развалъ русской интеллигенціи.

Какъ же реагировала на вспыхнувшую „Февральскую“ революцію провинціальная интеллигенція и въ частности десятки тысячъ офицеровъ? Русское общество, воспитанное на литературныхъ трудахъ Писемскаго, Бѣлинскаго, Достоевскаго, Л. Толстого, Пушкина, Тургенева, Чехова и другихъ, всегда богобоязненное и крайне далекое отъ узко-раціональныхъ идей „культурнаго“ запада, всегда далекое отъ міровой политики (кстати сказать, углубившаяся за послѣднее время въ далекія, непроходимыя дебри), мало знакомое (по цензурнымъ условіямъ) съ деталями соціальныхъ теорій и ученій властителей думъ западно-европейскаго пролетаріата, въ первые же дни революціи оказалось оторванной отъ жизни, совершенно безпомощной, безсильной. Говорить о томъ, что интеллигенція городовъ приняла „революцію“ восторженно съ открытой душой и сердцемъ, не приходится, слѣдствіемъ чего моральный и физическій развалъ въ ней былъ, поистинѣ, чудовищнымъ. Не только о „программахъ“ соціалистическихъ партій, но и о существованіи, даже названій ихъ, большинству не было извѣстно, а все, конечно, не могло трагически отразиться и на жизненности революціи и на благополучіи самой интеллигенціи. Полное незнаніе народныхъ нуждъ, физическая невозможность, вслѣдствіи малочисленности русской интеллигенціи, пойти „въ народъ“ съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ разобраться въ совершавшихся событіяхъ и напутствовать его къ благоразумной, революціонной дѣятельности, сдѣлали свое дѣло и „революція“, съ головокружительной быстротой, „безъ руля и безъ вѣтрилъ“ покатилась по наклонной плоскости, неся за собой смерть, горе, страданія не только среди интеллигенціи, но и всего русскаго народа. Безконечныя церемоніальныя, „революціонныя“ выступленія массъ по всѣмъ городамъ, селамъ и деревнямъ; похороны жертвъ революціи, разжигающіе лозунги и „программы“ различныхъ партій, дополняли картину разрушенія и ужаса народныхъ бѣдствій. „Земля и воля“; «смерть капиталистамъ, имперіалистамъ, буржуямъ“;

«Приказъ № 1 по Арміи и флоту" отмѣнявшій правила объ отданіи чести, приказъ объ организаціи въ арміи „комитетовъ", другія громко-кричавшія и многообѣщавшія воззванія, окончательно развалили остатки живыхъ силъ русской интеллигенціи и посѣяли „классовую" вражду среди всего народа, до сихъ поръ продолжающей служить причиной внутренняго развала страны".

— „А что такое соціалисты, какія существуютъ партіи и ихъ программы, кто такіе синдикалисты, максималисты, анархисты, вотъ что изо дня въ день можно было услышать тогда, да и теперь, среди той же русской интеллигенціи, не говоря уже о простомъ народѣ, окончательно потерявшемъ довѣріе ко всѣмъ вожакамъ „революціоннаго" движенія и мечтающемъ только о спокойномъ трудѣ и сытомъ желудкѣ.

И неудивительно! Въ войскахъ, въ городахъ, да и повсемѣстно, при монархіи ко всѣмъ русскимъ людямъ были приставлены „тѣлохранители"—жандармы, полиція, тайный сыскъ, цензура, и можно-ли было удивляться политической незрѣлости, и невѣжеству, незнакомству съ „партійной" работой—„друзей" народа, даже въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи?

А объ этомъ должны были-бы знать и учесть силы интеллигенціи руководители революціи—„верхи" и, конечно, море слезъ, крови и страданій, пролитыя русской интеллигенціей въ дни „свободы"—тягчайшее преступленіе „лучшихъ" людей, засѣдавшихъ въ стѣнахъ Таврическаго Дворца—Госуд. Думы, а потомъ—Зимняго Дворца и Врем. Правительства.

„Двоевластіе" еще болѣе ухудшило положеніе интеллигенціи. Министерская „чехарда" медленно, но вѣрно, окончательно развалили и привели къ безнадежному состоянію всю культурную жизнь страны, давая безудержный просторъ „волѣ" народа. Политической незрѣлостью и обнаружившейся „мягкотѣлостью" интеллигентныхъ классовъ, преступно воспользовались, вѣрнѣе использовали, въ началѣ февральской революціи всѣ тѣ, кто волею судебъ при царизмѣ игралъ роль „третьяго" сословія—безпартійные, т. е. тѣ, кто личные интересы ставилъ выше народныхъ, государственныхъ. „Третье" сословіе въ большинствѣ недоучки—мѣщане, горожане, отъ сохи—„либералы", городскіе и земскіе учителя и учительницы, мелкіе чиновники и, начитавшіеся до тошноты приключеній уголовныхъ разсказовъ Шерлока Холмса и Натъ Пинкертона, рабочіе, также жадно набросившіеся на „ре-

волюціонную" литературу, быстро акклиматизировались въ новой „демократической" обстановкѣ и слѣпо, довѣрившись теченію, пошли за вожаками движенія—„друзьями" народа. Крестьяне, мелкіе ремесленники и торговцы, обольщенные горячими и страстными призывами соціалистическихъ партій, также откликнулись на „партійныя" программы и выборы въ „Учредительное Собраніе", куда, какъ потомъ оказалось, прошли почти большинство Эс-еровъ. служитъ яркимъ доказательствомъ.

И это въ той самой Россіи, гдѣ 90% было неграмотныхъ!!

Наряду съ этимъ, Армія и Флотъ, куда больше всего была направлена различнаго рода пропаганда и агитація, переживали въ этотъ моментъ не только болѣзнь физическаго „разложенія", но и нравственную—«трагедію души", Бросить фронтъ, бѣжать въ деревню, домой—преступленіе, съ другой стороны фронтъ пересталъ получать все должное, необходимое, главное же, послѣ приказа № 1—(Военнаго Министра А. Гучкова), армія потеряла довѣріе къ командному составу и ея руководителей. Полковые, ротные, дивизіонные, бригадные „комитеты" стали нерѣдко вмѣшиваться въ дѣла оперативнаго характера; за каждымъ „золотопогонникомъ" была налажена „слѣжка". На позицію выступать никто не хотѣлъ, всѣ были „по-горло" заняты выборами въ „комиссіи", и „подкомиссіи"; постоянные пререканія, споры, политическіе „дебаты" окончательно дезорганизовали воинскія части и, къ концу Мая мѣс. 1917 г., Россія окончательно выбыла изъ рядовъ противогерманской коалиціи.

Какъ же боролось съ этимъ „недомоганіемъ" Арміи Временное Правительство, какія предпринимало мѣры для локализаціи все разраставшагося пожара? Призывъ къ патріотизму, „сознательности" народа (гастроли въ Маѣмѣс. 1917 г. А. Ф. Керенскаго и матроса Ф. Баткина на фронтѣ) уже запоздали; въ тылу обнаружилась уже „легкомысленная', инертность и недовѣріе народонаселенія страны къ самому Вр. Правительству (непопулярность „Займа Свободы"); по всѣмъ городамъ, селамъ и деревнямъ возникали различные безпорядки (погромы имѣній, усадебъ, складовъ въ Минскѣ, Н. Новгородѣ, Серпуховѣ). „Демократическія" реформы въ Арміи привели ее въ Іюнѣ 1917 г. къ полнѣйшему пораженію и позорному бѣгству, а все это, несмотря на рядъ крутыхъ мѣръ (возстановленіе казни), предпринятыхъ Вр. Правительствомъ, не могло остановить катастрофическаго раз-

вала, и, конечно, дорога къ власти большевикамъ была болѣе чѣмъ достаточно подготовленной, Ни „Коалиціонное Правительство", ни „Совѣтъ Пяти", ни Государственное Совѣщаніе въ Москвѣ, ни „Демократическое" въ Петроградѣ ничто не въ состояніи было сдержать бѣшено-мчавшагося шквала надъ страной, а главное дать возможность сохранить, укрѣпить „твердую" власть, внушить должное уваженіе къ „революціонному" правительству, о которыхъ такъ много мечталъ и говорилъ А. Керенскій вплоть до своего бѣгства изъ Петрограда.

Крымъ до „Октябрской" революціи сохранилъ должный порядокъ и дисциплину, кромѣ лишь отдѣльныхъ, почти незначительныхъ случаевъ, имѣвшихъ чисто мѣстный характеръ. Большинство матросовъ посѣщали только что открытый для нихъ и рабочихъ въ Севастополѣ „Народный Университетъ": на Нахимовской ул. были въ ихъ распоряженіи двѣ „соціалистическія" (эс-еровская и эс.-д.) читальни, тамъ-же заложилъ фундаментъ „Украинскій Комитетъ". Бездѣйствовала только партія кадетовъ, не проявляя почти никакой жизни.

И только лишь въ Симферополѣ, спустя два-три мѣсяца послѣ „Февральской" революціи, сталъ выходить „Таврическій Голосъ" подъ редакціей доктора Пасманика, куда и были впослѣдствіи, (въ 1918 г.) завербованы „мѣстныя» интеллигентныя силы: г.г. Давыдовъ, Винаверъ, Набоковъ и другіе. Газеты же „Прибой" (с. д.), „Вольный Югъ" (с. р.) развили колоссальную энергію и агитація, пропаганда ихъ увѣнчались успѣхомъ; въ Учредительное Собраніе прошли отъ Крыма исключительно соціалисты, несмотря на то, что адмиралъ Колчакъ, бывшій въ то время въ Америкѣ, тоже выставилъ свою кандидатуру и не переставалъ пользоваться общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Расхлябанность и бездѣйствіе кадетовъ чувствовались повсюду. Рядъ митинговъ въ театрахъ, собраніяхъ г. Севастополя дали лучшихъ ораторовъ отъ соц. партій (Фундаминскій-Бунаковъ-с.р., Островская-больш., Мякотинъ-нар. соц.) и только партія „мозга страны"—кадетовъ не дала ни одного, кто-бы могъ хоть немного разсѣять туманъ и влить свѣжую струю въ потерявшую нравственное равновѣсіе народныя и, пожалуй, интеллигентныя массы. Русскіе офицеры, сухопутные и морскіе, видя безнадежность своего положенія, въ противовѣсъ агитаціи украинскихъ соціалистовъ, имѣвшихъ претензію замѣнить на судахъ военнаго флота „Андреевскій флагъ" на украинскій, по иниціативѣ капитана артиллеріи С. и пишущаго настоящія строки, стали группироваться вокругъ

новой организаціи—„Великорусское Вѣче". Идея этой организаціи нашла много сторонниковъ, была поддержана столичной прессой, но отсутствіе средствъ и „авось и небось" большинства интеллигенціи, сыграли свою роль и „Вѣче" прекратило свое существованіе, Слѣдуетъ замѣтить, что трудовая интеллигенція переживала въ это время и крайнюю нужду. Дороговизна предметовъ первой необходимости брала «мертвой хваткой" всѣхъ тружениковъ, интеллигенцію въ особенности, и безмилосердно бросала на „обѣ лопатки", заставляя болѣть душой и сердцемъ не за себя, нѣтъ, а за семьи, кормильцами которыхъ они были по „буржуазнымъ" предразсудкамъ до „демократическихъ" свободъ.

Въ Маѣ мѣс. 1917 г. Севастополь посѣтилъ „товарищъ"—Керенскій. Его выступленія на судахъ, въ циркѣ, еще болѣе разожгли „революціонныя" страсти. Надо отдать справедливость, А. Керенскій въ то время пользовался широкой популярностью; ему вѣрили, даже больше, любили. Смѣлость обращенія его къ народу, умѣнье владѣть словомъ, настойчивое углубленіе его въ душу, сердце слушателей, масса обѣщаній и надеждъ, „товарищескій" призывъ къ совмѣстной, дружной работѣ, наконецъ, гимнъ и хвала „почтеннѣйшей" публикѣ, и „герой" революціи—Керенскій утопалъ въ безконечныхъ овацiяхъ. Появленіе А. Керенскаго въ Севастополѣ было вызвано „треніями", происшедшими между адм. Колчакомъ и „Севаст. Центр. Исполн. Комитетомъ". Дѣло въ томъ, что Ц. И. К. безъ разрѣшенія адм. Колчака арестовалъ, якобы за злостную спекуляцію, ген. П... Адмиралъ Колчакъ потребовалъ его освобожденія, Ц. И. К-тъ отказалъ. Керенскій въ это время ораторствовалъ въ Одессѣ и Колчакъ послалъ къ нему за „разъясненіями" полк. Верховскаго (ставшій потомъ Военнымъ Министромъ). Керенскій прибылъ на миноносцѣ самъ и инцидентъ былъ улаженъ; ген. П. освободили. Вышесказанное достаточно характеризуетъ „положительныя" стороны проведенія въ жизнь „демократическихъ" реформъ—созданіе „комитетовъ" (по иниціативѣ сенатора Соколова).

Въ день выступленія Керенскаго на судахъ, по просьбѣ офицеровъ, онъ посѣтилъ также и Севастопольское Морское Офицерское Собраніе. О всемъ, что наболѣло, выстрадало со дня революціи офицерство, было поручено доложить тому же полк. Верховскому (бывшему въ то время Н-комъ Штаба Черноморской Дивизіи,, кстати сказать не пожелавшей впослѣдствіи выступить на фронтъ, мотивируя отказъ свой бо-

язнью „затонуть“ на морѣ). На сценѣ Собранія возсѣлъ Керенскій, а слѣва отъ него стояли адм. Колчакъ и полк. Верховскій. Въ сѣрыхъ, мрачныхъ краскахъ обрисовалъ Верховскій положеніе офицеровъ въ дни революціи; указалъ нравственную отвѣтственность ихъ предъ Родиной и народомъ, рельефно изобразилъ разлагавшіеся армію и флотъ, въ связи съ проведеніемъ въ жизнь новыхъ началъ—„нравственной“, демократической спайки между старшимъ и младшимъ; детально охарактеризовалъ возможную катастрофу на фронтѣ, (что и случилось въ Іюлѣ мѣс.) и на все это „товарищъ“-Керенскій или краснорѣчиво промолчалъ, или же отвѣтилъ крылатой фразой, что де-молъ, „революцію во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ не дѣлаютъ“.

Керенскій, своимъ выступленіемъ тогда, не только успокоилъ волновавшихся офицеровъ, но и внесъ въ среду ихъ раздвоеніе, разладъ. Часть офицеровъ стала послѣ того складывать чемоданчики и пробираться за-границу, часть пошла, скрѣпя сердце, въ рабство къ „демократическимъ“ комитетамъ, часть же,-большая, продолжала нервничать, волноваться и съ тревогой слѣдить за прогрессивнымъ параличемъ Арміи и Флота, который впослѣдствіи привелъ ихъ къ позору и тягчайшимъ страданіямъ.

Въ первые дни Ф. революціи въ Севастополѣ играли видную политическую роль два небезъизвѣстныхъ „героя“ полковникъ Верховскій и сухопутный матросъ—Федоръ Баткинъ. Оба они приняли живое участіе въ „углубленіи“ революціи и были нѣкоторое время представителями „революціонной“ демократіи. Полковникъ Верховскій окончилъ Академію Ген. Штаба, участникъ Японской и Германской войнъ, былъ когда-то разжалованъ въ солдаты, якобы за либеральныя идеи, но потомъ, за боевыя отличія, возстановленъ въ правахъ и считался заурядным офицеромъ. Поѣздка полк. Верховскаго въ Одессу за А. Керенскимъ, личное его знакомство съ нимъ, сыграли свою роль. Полк. Верховскій былъ въ іюнѣ мѣс. назначенъ Командующимъ Московскимъ Округомъ, въ сентябрѣ Военнымъ Министромъ, съ производствомъ въ генералы. (отъ революціи?)

—„Какъ дошли Вы до жизни такой?“,—спросилъ я его не безъ любопытства на Госуд. Совѣщаніи въ Москвѣ.—„Офицерство не сорганизовано, его будущее чревато послѣдствіями Я всѣми силами стараюсь сгладить шероховатости, ослабить „девятый валъ“.., Удастся-ли?! Слишкомъ ужъ все разболта-

лось!,- отвѣтилъ мнѣ Верховскій. Многократныя его выступленіяна трибунѣ въ Севастополѣ,Москвѣ и Петербургѣ,несерьезный, вѣрнѣе „любительскій“ характеръ его рѣчей, кончались тѣмъ, что столичная пресса (въ особенности „Русскія Вѣдомости“) брали его „въ оборотъ“ и, не безъ горечи, ядовито глумились надъ его „двѣнадцатымъ часомъ“ и „откровеніями“. Полк. Верховскій впослѣдствіи дождался и „перваго“ часа, эволюціонизировался и, служа когда-то „честно“ коллегамъ-офицерамъ и Россіи, сталъ продолжать свою замысловатую карьеру въ лагерѣ „красныхъ“... И странно то обстоятельство, что назначеніе Верховскаго военнымъ министромъ не было вызвано ни необходимостью, ни моментомъ, ни тѣмъ болѣе его талантами и способностями.

Сухопутный матросъ Ф. Баткинъ, появившійся въ Черноморскомъ флотѣ только съ первыхъ дней революціи (студентъ технологич. института), никогда не плававшій и даже не числившійся ни на одномъ изъ военныхъ судовъ, фактически былъ гастролеромъ—„митинговымъ ораторомъ“. Его „турнэ“ по фронту предъ Іюньскимъ наступленіемъ, призывъ къ спасенію „родного“ края (и все это съ соизволенія Керенскаго), выступленія въ Петроградѣ и Москвѣ, были только провокаціей и гнустной „революціонной“ спекуляціей на довѣріи русскаго народа. Арміи, какъ таковой, въ боевомъ отношеніи, въ то время уже не было; „комитеты“ развратили и разложили ее уже окончательно. Зачѣмъ-же понадобилась въ Іюнѣ мѣс. море крови, позоръ арміи, зачѣмъ?! Во имя чего погибли тысячи русской интеллигенціи—офицеры, ведя за собой стадо „революціонныхъ“ товарищей, а не дѣйствительныхъ воиновъ—солдатъ, способныхъ умѣло владѣть оружіемъ, а не только критиковать дѣйствія военачальниковъ.

Ф. Баткина можно было встрѣтить въ 1918 г. и въ рядахъ Добровольческой арміей ген. Деникина, подвизавшемся въ Ростовскомъ Освѣдомительномъ Агитаціонномъ Отдѣлѣ. („Освагъ“.)

Въ Августѣ мѣс. 17 г., какъ представителю прессы, мнѣ пришлось быть на „Государственномъ Совѣщаніи“ въ Москвѣ. До начала засѣданій въ воздухѣ наблюдалась сгущенная атмосфера, съ часу на часъ ожидались эксцессы и общество, преимущественно интеллигенція, было крайне нервно настроено. Въ Петроградѣ, Москвѣ и др. городахъ ожидали выступленія большевиковъ; къ Правительству Керенскаго прогрессивно росло недовѣріе; „словоговореніе“ не стало уже бу-

дить, разжигать полуголодныя массы; „безкровная“ революція уже вышла изъ своихъ береговъ.

Что-же такое было за „Государственное Совѣщаніе“ и каковы были его результаты и послѣдствія? На Госуд. Совѣщаніе собрались представители всѣхъ политическихъ партій и не только соціалистическихъ, но и кадеты, монархисты, а также представители окраинъ, военныхъ, гражданскихъ, общественныхъ организацій, члены Государственной Думы, представители казачества и др... Открытію засѣданій предшествовалъ цѣлый рядъ предосторожностей. У входовъ и внутри Большого театра стоялъ „почетный“ караулъ изъ юнкеровъ Алексѣевскаго Военнаго Училища, кстати сказать, уже потерявшему до того нѣсколько человѣкъ, лѣтомъ 1917 года, при усмиреніи „товарищей“ въ г. Нижнемъ Новгородѣ.

Засѣданіе открылъ самъ Керенскій. Въ пространной, не лишенной мысли и передачи, рѣчи ко всѣмъ „правымъ и лѣвымъ“, Керенскій произнесъ тогда историческія „нечеловѣческія“ слова, въ основѣ которыхъ была заложена мысль, вѣрнѣе „исканія“, твердой власти. Театръ былъ переполненъ. Слѣдуетъ замѣтить, что передъ открытіемъ состоялись «пленарныя“ засѣданія различныхъ фракцій и полит. партій, на которыхъ детально были выработаны „программы“ и отношеніе ихъ по вопросу къ политическому моменту страны. Большинство собравшихся, въ первые два дня, держали себя сравнительно сносно, послѣ-же выступленія члена Гос. Думы —Чхеидзе съ „демократической“ программой, Керенскому нерѣдко стоило большого труда водворить должный порядокъ и сдерживать „революціонныя“ страсти.

Цѣль созыва Гос. Совѣщанія, какъ отмѣтилъ въ своей же рѣчи Керенскій, это—освѣтить политическія, государственныя, общественныя нужды страны, дать возможность Вр. Правительству принять соотвѣтствующія мѣры и тѣмъ ослабить, если не окончательно локализовать, надвигающуюся со всѣхъ сторонъ грозную бурю. И дѣйствительно, страна въ этотъ моментъ находилась на краю пропасти; все рушилось, а новое висѣло еще въ воздухѣ.

Рядъ ораторовъ: ген-лы Корниловъ, Калединъ, Члены Госуд. Думы—Родзянко, Маклаковъ, Милюковъ, Чхеидзе, Церетелли, Родичевъ, Шульгинъ и мн. др., правые и лѣвые, въ яркихъ, рельефныхъ краскахъ, набросали картину физическаго и нравственнаго убожества страны, вскрыли гноившіяся раны народа и государства, каждый изъ нихъ (чему я

вѣрю и до сихъ поръ) по своему болѣлъ душой и сердцемъ, страдалъ за тѣ невзгоды, которыя, какъ Дамокловъ мечъ, нависли надъ всей Россіей. Хочется вѣрить и тому, что каждый изъ нихъ безудержно рвался спасти страну, народъ, вырвать ихъ изъ объятій возможной, преждевременной смерти.

И только лишь небольшая горсть косоворотокъ „дѣльцы", въ сомнительной чистотѣ рубашкахъ, (не „бѣлыхъ", нѣтъ, а запачканныхъ въ крови своего же родного брата), вчерашніе люди отъ сохи и плуга, санкюлоты мысли, чести, разума, „волновались" и голосъ ихъ, нерѣдко, смѣшанный съ площадной бранью, достаточно говорилъ за себя, а больше того, за ихъ „программу" текущаго дня.

Но вотъ, на трибуну вошелъ Начальникъ Штаба Арміи, нынѣ покойный, ген. Алексѣевъ. Въ тотъ моментъ, т. е. лѣтомъ 1917 г., въ дѣйствительности отъ Арміи зависѣло все; Армія была пульсомъ страны. Удержится, сохранитъ себя въ должномъ порядкѣ, „престижъ страны не будетъ поколебленъ, стоитъ фронту покачнуться, потерять равновѣсіе" и вся страна должна будетъ пережить страшную, мучительную агонію. Чѣмъ послѣднее закончилось-бы предугадать было не трудно, перспектива же эта для многихъ была не только незавидной, но и для честныхъ, разумныхъ патріотовъ, дѣйствительно-сознательныхъ гражданъ, трагической.

Въ дни войны, русская Армія, насчитывавшая нѣсколько милліоновъ людей, фактически была почти вся Россія и, естественно, стоило только фронту немного помалодушествовать, „поиграть въ политику", какъ вся страна была-бы объята заревомъ пожара, (что и случилось послѣ „Октябрской" революціи). Всѣ это прекрасно понимали, знали, объ этомъ много писали, говорили, и все-же, какая-то „нечеловѣческая" сила творила свое преступное дѣло.

— „Безъ арміи нѣтъ государства, нѣтъ и народа. Армія —залогъ, фундаментъ порядка, законности, благополучія страны и гражданъ. Армія должна быть сыта, одѣта, обута... Армія должна быть аполитична и дисциплинирована!",— твердо, смѣло и убѣжденно произнесъ свою рѣчь, вѣрнѣе отцовское наставленіе, убѣленный сѣдинами, герой народа, самъ вышедшій изъ него, творецъ героическихъ подвиговъ Русской Арміи—ген. Алексѣевъ.

Залъ дрожалъ отъ рукоплесканій, когда маститый старецъ, будущій герой Добр.-арміи, сходилъ съ трибуны. Моментъ былъ исключительный; большинство съ уча-

щеннымъ дыханіемъ, ожидало эксцессовъ. „Лѣвая“ шумѣла и, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, посылала бульварные эпитеты по адресу героя Родины.

Рѣчь ген. Алексѣева имѣла колоссальное значеніе. Съ того момента русская интеллигенція стала формироваться и впослѣдствіи „съ открытымъ забраломъ“ впервые выступила уже съ оружіемъ въ рукахъ на поляхъ Кубани.

— „Неужели русскіе патріоты не могли понять ужаса, страданій, той катастрофы, трагедіи, которыя все болѣе и болѣе развивались и нависли надъ страной, брали въ тиски Россію и народъ своими сатанинскими, кровавыми щупальцами; неужели уже поздно было предотвратить грозныя событія, чтобы только спасти отечество отъ цѣпей насилія, гнета, страданій, отъ „соціалистическихъ экспериментовъ“? Неужели?!,—такъ разсуждали потомъ русскіе добровольцы, пробивая себѣ штыкомъ дорогу на Москву.

Нѣтъ, многіе могли это сдѣлать, прекрасно отдавали себѣ отчетъ въ происходившихъ событіяхъ, но имъ была нужна Россія великихъ потрясеній, Россія для удобренія утопическаго „интернаціонала“, а не великая Россія, Россія честныхъ, разумныхъ началъ и величайшихъ подвиговъ во имя культурной, нормальной жизни. Не далѣе какъ черезъ два мѣсяца, громъ грянулъ и Россія захлебнулась въ потокахъ пошлости и грязи, завязла въ тинѣ коммунистической морали, судорожно бьется въ смертельной агоніи до сихъ поръ, неистово кричитъ и умоляетъ весь міръ спасти ее отъ преждевременной смерти.

Лѣвые соціалисты, съ Чхеидзе, Церетелли, Черновымъ во главѣ, остались при „особомъ“ мнѣніи; Гос. Совѣщаніе нашли „контръ-революціоннымъ“, „буржуазной“ затѣей и, еще въ Москвѣ, рѣшили созвать „Демократическое Совѣщаніе“ въ Петроградѣ, которое дѣйствительно и состоялось въ Октябрѣ мѣс. 1917 г. То была послѣдняя „лебединая“ пѣснь пѣвца русской революціи А. Ф. Керенскаго!

На „Демократическое Совѣщаніе“ были приглашены исключительно соціалисты. Шквалъ, революціонная буря, пронесшіеся надъ страной въ Февральскіе дни, не только затихли, но и прогрессивно увеличивались въ масштабѣ, захватывая и уничтожая на своемъ пути всѣ богатства страны, какъ культурныя, такъ и физическія. Настойчивое требованіе представителя „демократической“ группы Чхеидзе „самоопредѣленіе народовъ“ подлило масло въ огонь; все зашевелилось, заволновалось, закипѣло и „революціонныя“ страсти стали еще болѣе выплывать наружу, внося собой все новыя и новыя человѣческія жертвы. Всколыхнулась вся Россія, весь народъ; заговорили кто какъ могъ и какъ умѣлъ на различныхъ нарѣчіяхъ; вчерашніе друзья, родные братья стали непримиримыми врагами; каждый сталъ „самоопредѣляться“, розыскивать сородичей, соплеменниковъ, мать-родину, затерявшихся въ исторіи и жизни послѣ многовѣковаго рабства

въ Россіи.

Засѣданія „Демократическаго Совѣщанія“ окончательно развѣнчали „непогрѣшимость“ Вр. Правительства; авторитетъ А. Керенскаго былъ поколебленъ и „твердая“ власть, уложивъ чемоданчики, отправилась въ дальній „рейдъ“—искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

Побѣда большевиковъ и пораженіе Вр. Правительства въ октябрѣ мѣс. 1917 г. были не только не неожиданными, но и естественнымъ явленіемъ. Могъ-ли „карточный домикъ“ —Вр. Правительство, въ основѣ котораго были только „слова безъ дѣлъ“—говорильный аппаратъ, противопоставить что либо „арміи силы“—большевикамъ, программа, которыхъ несла странѣ долгожданные идеалы: хлѣбъ, миръ и свободу (послѣднее на коммунистическомъ языкѣ означаетъ „зрѣлища“ или короче „Че-ка“). Побѣда большевиковъ привела почти къ полной капитуляціи русскую интеллигенцію, которая послѣ того оказалась не только въ „плѣненіи“, но и окончательно развратилась, размѣнялась. Немногимъ удалось тогда оправдать свою высокую миссію; лишь небольшая горсть порвала родственныя узы съ „друзьями“ народа; большая часть интеллигенціи, глубокомысленный трудъ свой въ ученыхъ кабинетахъ, промѣняла на „чечевичную похлебку“— полуголодную жизнь въ Совѣтской Россіи. Говорить о томъ, что многіе изъ нихъ „зазимовали“ въ Россіи по тѣмъ или инымъ причинамъ не приходится; исторія не терпитъ малодушія, сентиментализма, дряблости разума, мягкотѣлости души народовъ. Каковы были реальныя причины пораженія Вр. Правительства и русской интеллигенціи? Прежде всего, а это-главное, какъ сконструировалась власть въ началѣ февральской революціи, ея этапы; всегда-ли новая власть отвѣчала своему назначенію, на что опиралось Вр. Правительство и пользовалось-ли оно должнымъ довѣріемъ страны? Въ первые дни революціи „революціоннымъ“ порядкомъ образовалось Вр. Правительство: Кн. Львовъ—Пред. Совѣта министровъ, Милюковъ—мин. иностр. дѣлъ, Некрасовъ—мин. пут. сообщ., Коноваловъ—мин. торг. пром., проф. Мануйловъ—мин. просв., Гучковъ—воен. мин., Шингаревъ—мин. землед., Терещенко—мин. финан., Львовъ—об. прокуроръ св. синода, Годневъ—государ. конт., Родичевъ—мин. по дѣламъ Финляндіи, въ которое по „требованію“ Совѣта Солд. и Рабочихъ депутатовъ вошелъ и А. Керенскій съ портфелемъ мин. юстиціи. Вскорѣ наступилъ кризисъ власти и на сцену появляются—„Коалиціонное Правительство“, потомъ „Совѣтъ пяти“ и, такимъ образомъ, „власть“ за восемь мѣсяцевъ не только закрѣпляла свое положеніе, но и со страшной быстротой „эволюціонизировалась“.

У „власти“ за это время были и эс-еры, и с.-д., и к.-д., и октябристы, и народные соціалисты и безпартійные, словомъ почти всѣ, кому не чужды были заманчивая игра „въ министерскіе портфели“, или „ставка на довѣріе русскаго

народа". Имена ген. Верховскаго, Церетелли, Чернова, Переверзева, Савинкова, Авксентьева, Прокоповича и др. дополняютъ картину министерской „чехарды" при Вр. Правительствѣ. Словомъ, Вр. Правительство, постоянно лавируя моментомъ, больше того, находясь въ тискахъ „воли народа"—Совѣта Солд. и Рабочихъ депутатовъ постоянно мѣняло свою физіономію, „оріентацію", а самому А. Керенскому чуть-ли не приходилось брать „ярлыкъ" на право власти у демократическихъ ячеекъ. „Слушаюсь", „чего изволитесь"—политика „твердой власти" Вр. П-ва, должна была уступить мѣсто людямъ желѣзной воли, но химерныхъ мечтаній и соціалистическихъ утопій.

И можно-ли удивляться, что Вр. Правительство не только само сошло со сцены политической жизни страны, но и дискредитировало всю мыслящую интеллигенцію, всѣхъ тѣхъ, кто не переставалъ вѣрить и надѣяться въ мозгъ страны, побѣду разума надъ грубой силой?! Никто не предполагалъ, да и не задумывался надъ тѣмъ, что Керенскій, созывая „Госуд. Совѣщаніе" въ Москвѣ, или „Демократическое" въ Петроградѣ, только искусно лавировалъ моментомъ, стараясь отвлечь силы политиканствующихъ отъ вооруженныхъ выступленій. Всѣ эти палліативныя средства были только ударомъ въ спину всей русской интеллигенціи, которой въ дни большевизма, пришлось испить не только горькую чашу мытарства и страданій, но и потерять изъ среды своей лучшихъ людей страны: Шингарева, Кокошкина и тысячи другихъ.

Какъ же реагировала страна къ „наборамъ" г.г-дъ министровъ во Вр. Правительство? Отрицательно. „Мобилизація" силъ въ „Кабинеты Министровъ" производилась или по „законамъ соглашательства", или же подъ давленіемъ той или иной политической партіи. Въ оппозиціи къ Вр. Правительству фактически была почти вся страна: правые, кадеты, лѣвые-большевики, лѣвые эс-еры, анархисты, вся интеллигенція и, пожалуй, вся Армія и Флотъ.

На „совѣщаніяхъ" всѣ эти дефекты настроенія государства ярко обнаружились, антагонизмъ между классами прогрессивно разростался и, конечно, «девятый валъ», о которомъ такъ часто говорилъ полк. Верховскій, да и другіе вожаки революціоннаго движенія, былъ уже не за-горами.

Наступленіе ген. Корнилова на Петроградъ, политика „соглашательства" А. Керенскаго послужили сигналомъ къ внутренней войнѣ, которая должна была окончательно разрѣшить наболѣвшій вопросъ русской, трудовой интеллигенціи „быть или не быть", а вмѣстѣ съ нимъ и еще болѣе грозный вопросъ: „быть-ли самой Россіи, а съ ней и жизненности, дальнѣйшему прогрессу славянской культуры".

Походъ ген. Корнилова на Петроградъ, его приближеніе къ сѣверной столицѣ, вызвали колоссальный энтузіазмъ и сочувствіе къ нему въ самыхъ широкихъ слояхъ русскаго общества. Всѣ съ напряженнымъ, лихорадочнымъ вниманіемъ

слѣдили за „сводкой“, всѣ нетерпѣливо ждали паденія Петрограда, а съ нимъ и „Кабинета Министровъ“ Вр. Правительства. Насколько наступленіе ген. Корнилова на сѣверную столицу пользовалось популярностью, можно судить уже потому, что вся періодическая „буржуазная“ пресса, не только сочувственно отнеслась къ его начинаніямъ, но и всячески стремилась поддержать въ народонаселеніи должный подъемъ, настроен'е, сочувствіе и вѣру въ правоту его дѣйствій. Сравнительно мизерная газета „Фонарь“ издававшаяся въ тѣ дни въ Москвѣ, посвятившая нѣсколько подробныхъ статей о ген. Корниловѣ, его наступленіи и „разоблаченіемъ“ о Н. Львовѣ, А. Керенскомъ, сыгравшими въ этомъ наступленіи далеко не послѣднюю роль, вѣрнѣе, были соучастниками задуманной операціи, съ жадностью раскупалась населеніемъ столицы, а многимъ даже удалось и поспекулировать на ней, перепродавая ее за баснословную въ то время сумму—по 25 р. за экземпляръ.

Тотъ-же „Фонарь“, который мнѣ впослѣдствіи пришлось неоднократно видѣть въ различныхъ городахъ Россіи, сыгралъ немаловажную роль на настроеніи всего народа, въ особенности интеллигенціи, которая уже окончательно порвала духовную связь и потеряла всякое довѣріе къ Вр. Правительству. О „политикѣ“ А. Керенскаго, который якобы согласился и далъ принципіальное согласіе на выступленіе и походъ ген. Корнилова на Петроградъ, говорили въ то время всѣ, и какая причина заставила „народнаго героя“ впослѣдствіи предать его суду—„революціонной демократіи“ остается до сего времени неразрѣшенной. „Твердая“ власть въ эти дни, т. е. въ октябрѣ 1917 г., показала себя во всемъ своемъ величіи и естественнымъ ходомъ событій...рухнула.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССІИ

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Исключительныя условія моего скромнаго труда, даютъ мнѣ нравственное право просить г.г. читателей не отказать въ сообщеніяхъ и присылкѣ копій оффиціальныхъ документовъ, касающихся затронутыхъ мною темъ.

П. З. КРАЧКЕВИЧЪ
(Альфа).